

Сергей Воробьёв

Сергей Павлович Воробьёв – родился в Ленинграде в середине прошлого века. Моряк, полярник, путешественник. С 2011 года состоит в Союзе писателей РФ, редактор и составитель региональных литальманахов. Издано одиннадцать авторских книг прозы и сборник стихотворений. Три из них удостоены литературных премий. Проживает в Тихвине.

Я ВЫГНАН ИЗ ДЕТСТВА

Я выгнан из детства –
из райского сада,
как будто снарядом
прошло мне сердце,
бессонною ночью
был я обесточен –
достались в наследство
одни междустрочья.

Возможно, по кругу
ходил я, пружиня,
и в двери чужие
врывался без стука,
натруживал жилы
и брал на поруки,
забыв о наживе –
древнейшей науке.

Но всеми оставлен,
живя по подвалам
и вашим, и нашим –
в краю буцефалов
в селении вражьем
их меньше не стало –
громадностью башен
я был ошарашен.

Кому-то – не так ли? –
сидеть в Вавилоне –
в стоячем затоне,
где царствует Маклер,
но вечные башни
обломками лягут,
не раз и не дважды
падут, как в спектакле.

Проснувшись однажды,
при тусклой лучине
не лица – личины
увидел, где каждый,

как мира химера,
не ведая веры
уткнулся в свой гаджет
и Бога не жаждет.

Что толку, что рядом
висят в ряд иконы,
и курится ладан,
и чтутся каноны,
и ангелов пенье,
как мира услада,
и звонницы звоны
взывают к спасенью.

Уехать подальше,
стать истинно нищим,
поспать бы подольше,
ни меньше ни больше,
в земной той пылище,
в тех суетных буднях
никто не отыщет,
никто не разбудит.

Но голосом зычным
знакомый фельдфебель,
оплывший от лени,
трубой-геликоном
разбудит привычно:
«Где музыки гений?!»
И явятся феи
эпохи античной.

На празднике оном
забыт, опечален:
когда-то случайно
всё шёл на удачу

и звался поэтом,
но был кем-то предан
и сбился со следа,
а с курса тем паче.

Туманились мысли,
отмаялись вальсы –
на клавишах пальцы,
тоскуя, зависли,
сомнения грызли –
ревел словно гризли,
мечтая о детстве –
потерянном девстве.

Душою разъятой
искал отблеск Солнца –
с Архангелом Божьим
там шли богомольцы
за хлебом насущным,
и с ними Пресуший,
в страданиях распятой,
спасенью присуший.

Идут богомольцы,
звенят колокольцы,
зовущие в девство
призывно-тревожно.
И я с ними в детство
иду осторожно,
мечтая согреться
Дыханием Божьим.

УХОДИЛ, КАК ВСЕГДА, В НИКУДА

Уходил, как всегда, в никуда,
Ожидая судьбы перемены,
Сознавая, что жизнь наша тленна,
Поседевший от долгого плена,
Уходил от него навсегда.

Уходил в моря синюю даль,
Под луной в серебристые скалы,
Но украдкой судьба мне шептала:
Будет холод, перроны, вокзалы –
Стань, как в битве булатная сталь!

Берега погружались в туман,
Там с надеждою ждал я рассвета,
Где душа моя будет согрета,
Но веками шатаюсь по свету,
Находил на обмане обман.

Как безумный пускался в бега –
Всё мерещилось: вот оно – счастье!
Но опять настигало ненастье,
И я снова с неистовой страстью
Рвался рьяно к родным берегам.

К ним пришёл я ни раньше ни позже –
Ко всему, что от Бога дано.
Скажет кто-то: – Пришёл, ну и что же?
Я узнал тебя, край мой пригожий:
Хлеб насущный в нём есть и вино.

Мироточат в церквах образа,
Все законы земные нарушив,
Озарив и внутри и снаружи
Наши павшие гордые души...
Посмотрела мне Вечность в глаза.

ВРЕМЕНИ СТАРЫЙ БАРКАС

Везёт меня времени старый баркас,
И я в нём, скиталец – ненужный балласт,
Баркас свой на волнах качал и качал,
Мечтая найти долгожданный причал.

Увидев на склоне истраченных лет
Слепца без наград и золотых эполет –
Себя, как я есть, безо всяких прикрас,
Который качал и качал свой баркас.

Качалось и время – водицей в песок
В бездонный оно уходило поток,
А мне оставалось идти по волне
С ненужным, лежащим в баркасе на дне.

Ненужными стали, отжившими вдруг
Вчерашние нужды – безвременья круг,
В безвременье этом держать мне ответ
За всю череду разбазаренных лет.

Закатный диск солнца неярко алел,
В лучах тех увидел, чего не имел –
Надежды и веры – любви благодать...
Но волны взметнулись как чёрная тать.

Баркас захлебнулся от чёрной воды,
О, где долгожданный ты, мой Поводырь,
Неведомо сущий в бездонности лет?
Плыву и плыву, а Тебя нет и нет.

Нежданно-негаданно в утренний час
В песчаную отмель уткнулся баркас –
Предстал предо мною невиданный сад
И Ангела в нём проникающий взгляд.

Не часто швартуются здесь корабли
Во имя ликующей, властной любви.
И вышел я в сад, и к земле той приник,
И мира божественный облик постиг,

Увидев, что были скитанья мои
Для поиска именно этой земли –
Где старый баркас я уже не качал
И где мой причал стал началом начал.

VIA DOLOROSA

Град в камне и каменных тропах –
Давидов Иерусалим,
«Распни Его», – слышится ропот,
Недавно пирующих с Ним.

В том пламенном, каменном граде
По улице Скорби бреду,
В чужом цепенеющем взгляде
В толпе я кого обрету?

Но с поля идущий помощник –
Симон, – крест взвалив на плечо,
Несёт его, немощный, мощно,
Не зная, на что обречён.

И сотник Пилата из Рима,
Копьём поразивший Христа,
Святым назовётся Лонгином,
Омыв Его кровью перста.

И мать Константина Елена,
Молясь, крест святой обретёт,
И будет он ночью и днём
Стоять как бессмертья оплот.

Несущий спасенье «Путь Скорби» –
Всё тянется вслед за Христом,
И, спину под тяжестью скорбив,
Идём под Господним крестом.

СЧИТАЮ ПРОЖИТЫЕ ГОДЫ

Считаю прожитые годы,
Ушедшие в небытие,
Похоже это на рытьё
Пустой и бросовой породы.

Мне горький фатум не узреть
Похмельным оком близоруким.
Меж тем великий праздник скуки
Раскинул призрачную сеть.

И ловчий что-то там сипит,
Корявым когтем ловит крайних –
Зелёных, молодых да ранних,
Кто в час охоты ночью спит.

Но мой полудремотный взгляд
Сквозь поволоку различает,
Как мир в беспечности ветшает
И медленно сползает в ад.

Скажи, проклятый кукловод, –
Назад мне страшно оглянуться –
Когда от слепоты очнутся
Все те, кто продолжает род?

Ответа нет! Но я-то знаю,
Князь тьмы – он потаённо ждёт,
Пока его час не придёт,
И ты качнёшься в пропасть с края.

И РАСПАХНЁТ КРЫЛА ЛЮБОВЬ

Вот Южный Крест, и я на нём распятый,
Саднят не раны, но саднит душа:
Припомнил всех – Иуду и Пилата,
На звёздах умирая чуть дыша.

Вселенную окинув долгим взглядом, –
Зачем мой курс всегда на Юг лежал? –
В вино украдкой сыпал кто-то яды
И кто-то тайно душу искушал.

Без сожаленья прошлое отринув,
Архангелов услышал голоса
И, хляби синие морей покинув,
К Звезде Заветной взвился в небеса.

Там Крест Его и Южный Крест далёкий
Соединила вера рыбаков,
На звёздный свет, и нищих и убогих,
Ушедших в лов из сумрака теней,

Чтобы одежд Спасителя коснуться
И сеять в мир Заветные слова:
«Все грешные Крестом Моим спасутся
И жизни вечной обретут права».

И Крест Его в пути далёком светит,
Как Южный Крест среди потьмы любой,
И распахнутся запертые клетки,
И распахнёт крыла души Любовь.